

МЕЖДУ ВИНОЙ, СВОБОДОЙ И АБСУРДОМ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЛИЧНОСТИ
В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА
(Е. ЗАМЯТИН, Ф. КАФКА, А. КАМЮ)

Кеулимжаева Куралай Гафуровна

kuralaikg17@gmail.com

студентка 4-го курса

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Нукус,

Республика Каракалпакстан, Узбекистан

Научный руководитель

PhD, Исмаилова Хурлиман Нажматдиновна

Аннотация. В тезисе рассматриваются основные модели экзистенциального кризиса личности в русской и европейской литературе XX века на материале романов Е. Замятина «Мы», Ф. Кафки «Процесс» и А. Камю «Посторонний». Особое внимание уделяется категориям вины, свободы, отчуждения и абсурда как ключевым формам художественного осмысления человеческого существования в кризисную эпоху. Сопоставительный анализ позволяет показать типологическую близость русской и европейской литературных традиций.

Ключевые слова: *экзистенциальный кризис, личность, отчуждение, свобода, вина, абсурд, Замятин, Кафка, Камю, литература XX века*

XX век радикально изменил само понимание человека в литературе. Если в классической словесности личность чаще всего раскрывалась через конфликт характера и обстоятельств, то в литературе прошлого столетия на первый план выходит более глубокая и трагическая коллизия: человек сталкивается уже не просто с социальной несправедливостью или нравственным выбором, а с разрушением самих оснований бытия. Войны,

тоталитарные идеологии, бюрократизация мира, кризис религиозных и гуманистических опор поставили личность перед необходимостью заново отвечать на вопросы о свободе, вине, смысле существования и границах человеческого «я». Именно поэтому проблема экзистенциального кризиса личности становится одной из центральных в русской и европейской литературе XX века. В настоящем исследовании я исхожу из того, что экзистенциальный кризис в художественном тексте проявляется не только как психологическое состояние героя, но и как форма философского осмысления эпохи, в которой человек утрачивает устойчивую связь с миром, с обществом и с самим собой [1; 2].

Актуальность темы определяется тем, что современное литературоведение всё настойчивее обращается к межкультурному сопоставлению художественных моделей личности. Русская и европейская литература XX века, несмотря на различие исторических и национальных контекстов, обнаруживает глубокую типологическую близость в изображении человека, оказавшегося один на один с безличными структурами власти, абсурдом существования и внутренней утратой цельности. Цель настоящего тезиса — выявить основные формы экзистенциального кризиса личности в романах Е. Замятина «Мы», Ф. Кафки «Процесс» и А. Камю «Посторонний». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: определить философско-эстетические основания понятия «экзистенциальный кризис»; проследить, как в названных произведениях моделируется конфликт личности и безличного мира; выявить общие и отличительные черты русской и европейской литературных традиций в осмыслении кризиса человеческого существования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-типологический, герменевтический и историко-литературный методы [1; 2; 6].

Для экзистенциальной традиции принципиально важно понимание человека как существа, не обладающего заранее заданной сущностью и

вынужденного самостоятельно утверждать смысл своего существования. Именно поэтому кризис личности в литературе XX века возникает там, где разрушается привычная система ценностей, а человек обнаруживает собственную незащищённость перед миром. В этом смысле экзистенциальный кризис связан не только со страхом, одиночеством и отчуждением, но и с болезненным осознанием свободы. Свобода в подобных текстах оказывается не привилегией, а тяжёлым испытанием, поскольку она предполагает личную ответственность в мире, где внешние основания истины либо утрачены, либо поставлены под сомнение [1]. С другой стороны, как показывает В. Франкл, кризис человеческого существования особенно остро проявляется там, где человек сталкивается с утратой смысла и вынужден либо внутренне распасться, либо заново собрать себя на глубинном уровне [2]. Литература XX века делает этот процесс предметом художественного анализа.

Роман Е. Замятина «Мы» представляет одну из наиболее жёстких моделей экзистенциального кризиса, поскольку здесь сама возможность внутренней свободы ставится под вопрос тоталитарным устройством мира. В центре произведения находится Д-503 — герой, который в начале романа ещё не осознаёт себя личностью в полном смысле слова. Он мыслит категориями пользы, нормы, математической гармонии и коллективного порядка. Его сознание устроено как часть Единого Государства; он существует внутри уже готовой системы значений и не нуждается во внутреннем самоопределении. Однако встреча с И-330 запускает глубокий процесс внутреннего раскола. Герой начинает переживать то, что прежде исключалось официальной логикой государства: сомнение, страсть, страх, ревность, иррациональное воображение. Именно здесь и рождается экзистенциальный кризис: Д-503 впервые сталкивается с тем, что человек не сводим к функции, а внутреннее «я» не может быть окончательно поглощено системой [3].

Особая художественная сила романа Замятина заключается в том, что кризис личности изображается не как внешнее сопротивление власти, а как

мучительное пробуждение самосознания. Герой страдает именно потому, что начинает ощущать в себе внутреннюю неоднородность. Его сознание распадается между «разумным» и «болезненным», нормативным и живым, государственным и личным. Антиутопический мир романа тем самым раскрывается не только как политическая модель, но и как онтологическое пространство, в котором уничтожается право человека на внутреннюю сложность. В этом смысле «Мы» — это не просто роман о тоталитаризме, а глубокое предупреждение о той точке цивилизационного развития, где личность перестаёт принадлежать себе. Экзистенциальный кризис здесь равен кризису самого человеческого в человеке [3].

Если у Замятина кризис личности порождён тотальной нормативностью, то в романе Ф. Кафки «Процесс» он приобретает иную форму — форму безосновной вины и метафизической незащищённости человека. Йозеф К. помещён в жёстко регламентированную утопическую систему, подобную Единому Государству, однако его существование с первых страниц оказывается подчинено непостижимой логике суда. Герой арестован, но не знает своей вины; он пытается мыслить рационально, искать объяснения, выстраивать защиту, однако все его усилия сталкиваются с непрозрачностью мира. В романе Кафки кризис личности связан с разрушением элементарной уверенности человека в собственной оправданности. Личность здесь лишается не только правовой опоры, но и онтологической почвы: мир перестаёт быть читаемым, причинно-следственные связи распадаются, язык объяснения перестаёт работать [4].

Экзистенциальная глубина «Процесса» определяется тем, что вина в нём предшествует поступку. Йозеф К. как будто уже вовлечён в некую всеобъемлющую систему обвинения до того, как успевает определить собственную позицию. Именно поэтому роман выходит за рамки социальной сатиры на бюрократию. Бюрократический механизм у Кафки — это образ безличной судьбы, перед которой человек остаётся одиноким и беспомощным. Йозеф К. постепенно утрачивает субъективную целостность,

поскольку мир навязывает ему положение виновного без объяснения и без надежды на подлинный диалог. Отчуждение в романе Кафки носит тотальный характер: герой отделён от закона, от общества, от самого себя. Его кризис — это кризис человека, оказавшегося в реальности, где существование не подтверждается ничем, кроме страха и ожидания приговора [4].

В романе А. Камю «Посторонний» экзистенциальный кризис получает ещё одну, предельно концентрированную форму. Мерсо не является жертвой тоталитарной системы в прямом смысле и не находится под властью таинственного метафизического суда, как Йозеф К. Однако именно он наиболее открыто сталкивается с абсурдом мира. Герой Камю не желает подчиняться условным социальным ритуалам, не стремится изображать чувства, которых не испытывает, не маскирует внутреннюю пустоту привычными словами. Поэтому общество воспринимает его не просто как преступника, а как опасное отклонение от нормативной эмоциональности. Не случайно судит его не только за совершённое убийство, но и за «неправильное» поведение на похоронах матери. Тем самым Камю обнажает страшную истину: общество требует от личности не столько нравственной глубины, сколько внешней лояльности к общепринятым формам смысла [5; 6].

Однако в отличие от героев Замятина и Кафки, Мерсо в финале приходит к особому типу внутренней ясности. Он не преодолевает абсурд, но принимает его как фундаментальное свойство мира. В этом заключается трагическая, но принципиальная победа героя: он отказывается от самообмана и приходит к подлинному, хотя и страшному, согласию с реальностью. Экзистенциальный кризис в «Постороннем» раскрывает не только распад, но и парадоксальную форму свободы, рождающуюся из предельной ясности сознания. Если у Д-503 кризис связан с пробуждением личности, а у Йозефа К. — с её подавлением и разрушением, то у Мерсо он становится точкой последнего самоопределения. Камю показывает, что в

мире, лишённом высшей гарантии смысла, человеческое достоинство может сохраняться именно через честность перед бытием [5; 6].

Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что русская и европейская литература XX века создают разные, но внутренне соотнесённые модели экзистенциального кризиса личности. У Замятина центральным оказывается конфликт между личностью и тотальным порядком; у Кафки — между человеком и непостижимой инстанцией вины; у Камю — между индивидуальным существованием и абсурдной бессмысленностью мира. При всей различности художественных систем эти произведения объединены общей мыслью: личность становится собой только в момент предельного испытания, когда прежние формы самоочевидности разрушаются. Кризис в этих текстах — не периферийный эпизод, а сущностное состояние человека XX века.

Научная значимость такого сопоставления состоит в том, что оно позволяет рассматривать экзистенциальный кризис не как частную тему отдельных авторов, а как одну из ключевых антропологических моделей литературы XX века. Более того, сравнительный подход показывает, что русская и европейская традиции не существуют изолированно, а формируют единое проблемное поле, в котором личность осмысляется через категории отчуждения, вины, свободы и абсурда. Именно поэтому экзистенциальная проблематика сохраняет актуальность и в современном литературоведении. Она помогает глубже понять не только художественный опыт XX века, но и самого человека в его предельных состояниях — человека, который ищет смысл в мире, не обещающем готового ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. М. Грецкого. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1953.

2. Франкл, В. Сказать жизни «Да!» : психолог в концлагере / В. Франкл ; пер. с нем. Д. Орловой, Д. Леонтьева. — Москва : Альпина нон-фикшн : Смысл, 2009.

3. Замятин, Е. И. Мы / Е. И. Замятин. — Москва : АСТ, 2022.

4. Кафка, Ф. Процесс / Ф. Кафка ; пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой. — Санкт-Петербург : Азбука, 2023.

5. Камю, А. Посторонний / А. Камю ; пер. с фр. Н. Немчиновой. — Санкт-Петербург : Азбука, 2022.

6. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю ; пер. с фр. С. Великовского. — Москва : АСТ, 2021.

